

УДК 82.09(569.4):[316.62:26]

ОТРАЖЕНИЕ ЕВРЕЙСКИХ ХРОНОТОПОВ: РОМАН А. АППЕЛЬФЕЛЬДА «МОГУЧИЕ ВОДЫ» И РАБОТА А. Д. ГОРДОНА «ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА»

Зоя Копельман

Єврейський університет у Єрусалимі
Mount Scopus, Jerusalem, 91905
zoia.kopelman@gmail.com

В статье сравниваются произведения разных жанров и времен — роман с философским трудом. В «Человек и Природа» популярный идеолог сионистского движения Аарон Давид Гордон (1863–1922) изложил свою мистическую концепцию «естественного человека» с целью вдохновить сионистских колонистов Палестины посвятить жизнь сельскому труду, чтобы интуитивно и безмолвно слиться с природой и с Богом. Роман «Могучие воды» был опубликован известным израильским писателем Аароном Аппельфельдом (1932–2018) в 2011 году, через три десятилетия после того, как литература Израиля обратилась к постсионизму. В статье доказывается, что герой романа, еврейский крестьянин, живущий в предгорьях Карпат, воплощает идеал Гордона. Предложено читать роман как притчу, утверждающую ценность еврейского традиционного образа жизни и значение сионизма в XXI веке.

Между произведениями наблюдаются пересечения на уровне смыслов и слов. Если Гордон толкует о еврее-индивидууме, то роман показывает нам: это нехарактерное для евреев оторванное от общины бытие обречено. В статье подтверждается, что автор романа «Могучие воды» хочет вернуть читателей-израильтян к той форме бытия, которая сложилась у евреев в изгнании: евреи веками были и остаются народом интеллектуального труда либо торговцами, т. е. являются сугубо городскими жителями, и желание превратить их в оторванных от книг и от Книги селян нежизнеспособно.

В приложении к статье дан осуществленный исследовательницей перевод первой главы труда Аарона Давида Гордона «Человек и Природа». Таким образом, национальный хронотоп является важным литературоведческим инструментом, способным связывать разнотипные и разновременные тексты на пути выстраивания единого целостного идеала.

Ключевые слова: А. Д. Гордон; А. Аппельфельд; сионизм; мистика и «естественный человек»; иудаизм; литература Израиля; еврейский образ жизни.

В статье сопоставляются два еврейских хронотопа¹: Западная Украина в конце XIX века и Палестина в период «второй алии» (1904–1914) — с целью выявить дополнительные возможные смыслы романа Аарона Аппельфельда «Могучие воды». Художественный мир этого романа представит первый хронотоп, тогда как второй хронотоп будет очерчен на основе идей экзистенциальной философии Аарона Давида Гордона, выраженных в его труде «Человек и Природа».

Герой романа Аарона Аппельфельда² «Могучие воды» (ивр. Maim Adirim, 2011) — еврейский крестьянин по имени Иссахар, живущий в предгорьях Карпат

¹ Хронотоп — термин, введенный М. М. Бахтиным (1895–1975) и означающий в литературоведении единство времени (хронос) и пространства (топос), причем художественный хронотоп зачастую отличается от исторического.

² А. Аппельфельд родился в 1932 г. в с. Стара Жадова, недалеко от г. Черновцы, Буковина. Первые годы детства, до прихода немецких нацистов и румын, будущий писатель провел в Черновцах. После оккупации города был угнан по этапу, но бежал и провел годы войны в селах Западной Украины, скрывая свое еврейское

в конце XIX века. Схема сюжета известна с древности: у героя есть цель, уводящая его из дома, а когда цель достигнута, он возвращается домой. Такая цель появляется у Иссахара, когда его сосед, русский крестьянин Николай, сообщает ему о гибели Иссахрова брата Ури Цви, арендатора мельницы в селе Драчинцы: Ури Цви, его жена и дети стали жертвами погрома. Это известие побуждает героя отправиться в путь и выяснить, что именно произошло с братом и его семьей. Собственно, все повествование представляет собой поездку Иссахара из дома в Драчинцы и обратно, прерываемую остановками в корчмах и у знакомых людей. Ткань романа органично сплетает события поездки с воспоминаниями героя, его снами и грезами, оттого в нем много повторов с вариациями, а жизнь и внутренний мир героя собираются как мозаика из разрозненных фактов и субъективных впечатлений. Трагедия в Драчинцах произошла ранней весной, в марте или начале апреля, когда на дорогах распутица, и по доброй воле крестьянин в такое время предпочтет остаться дома. Телега Иссахара движется медленно, с вынужденными простоями из-за непогоды, и в какой-то момент окончательно вязнет в топкой грязи, так что Иссахар продолжает путь уже верхом, ведя в поводу вторую лошадь.

Выбор героя нетипичен для израильской литературы. Евреи в коллективном сознании ассоциируются с горожанами, с людьми, чья культура целенаправленно возводила стену между естественностью природы и книжностью нации. Это особенно ярко выражено в рассказе Хаима Нахмана Бялика «За оградой» (1908), где украинские крестьяне «привольно расположились на Божьем просторе: сеют, сажают, разводят скот, ребятишек и собак, гоняют лошадей в ночное, зажигая в степи золотые костры», а евреи «торгуют метлами и корытами, сработанными из *сведенного леса*»³ [1]. Евреи, не имевшие права владеть землей в царской России, были оторваны от земледельческого цикла, что родило в ивритской литературе образ земли-мачехи, или, как у того же Бялика:

И кинусь на влажную землю, прильну и приникну, рыдая,
И стану пытаться печально у лона праматери вечной:
Скажи мне, о мать и царица, скажи мне, родная, святая,
Зачем и меня не вскормила ты грудью живительно-млечной?⁴ [2]

Именно эта «ущербность» народа Книги, часто представленная тщедушностью либо нездоровой тучностью литературных персонажей — евреев, не давала покоя многим российским еврейским просветителям второй половины XIX века, а позднее и сионистским деятелям, мечтавшим нормализовать еврейский народ и вовлечь его в естественное и историческое существование остального

происхождение. В июне 1946 г. прибыл в Палестину с группой переживших Холокост подростков. Здесь учился в с/х школе и экстерном сдал экзамены на аттестат, изучал еврейскую литературу (иврит и идиш) в Еврейском университете в Иерусалиме. В 1979–2000 преподавал ивритскую литературу в Университете им. Д. Бен-Гуриона в Негеве. Умер в январе 2018 г. Автор 45 книг на иврите, преимущественно романов, лауреат многих литературных премий в Израиле и за рубежом.

³ Пер. Д. Выгодского. Курсив здесь и всюду далее при цитировании мой. — З. К.

⁴ Отмечу, что парный образ «мать и царица» является здесь гендерной инверсией молитвенной формулы «Отец наш, Царь наш» при обращении евреев к Богу.

человечества. Иссахар живет не в России, он — подданный Австро-Венгерской империи, еврейство которой описано во многих израильских произведениях. Уникальность Иссахара в литературе Израиля в том, что он живет в отрыве от еврейской общины на лоне природы и занимается сельским трудом.

Выбор имени героя требует осмысления: напрашивается сравнение его с Иссахаром, сыном Иакова. Согласно устной еврейской традиции, библейский тезка героя романа — Иссахар, родоначальник одного из колен Израиля, — не был занят продуктивным трудом, но исключительно сидел над свитками Учения. Это выводится из благословения Иакова: «И он [Иссахар] увидел покой, что хорош он, и землю, что приятна она; и преклонил он плечо свое, чтоб нести...» (Бытие, 49:15). Комментарий на этот стих Писания сообщает: «Богатые урожаи, получаемые на плодородных землях, дадут возможность колену Иссахара посвятить время изучению Торы. Иссахар несет бремя Торы, все свое свободное время его потомки будут отдавать изучению Торы. Иссахар выполняет духовную работу не только для себя, но и для всех своих братьев, для всего народа Израиля» (Сончино⁵).

Но вернемся к роману. Несколько цитат⁶ охарактеризуют еврейского крестьянина Иссахара через его отношение к лошадям:

Иссахар был высоким и крепким. В то горькое роковое утро он вышел из дому и остановился возле конюшни. Сила переливалась в нем через край, и внезапное изумление сковало его. Долго он стоял так, не умея собраться с мыслями, и, наконец, вошел в конюшню.

Два высоких коня встретили его радостным ржанием. Их радость взволновала Иссахара и вывела из оцепенения. Он принялся готовить им утреннюю смесь. Он любил их, они были продолжением его тела, их немота смыкалась с его немотой, и они споро и скоро носили его туда, куда ему было нужно, словно знали его явные и сокровенные желания. [4, с. 7]

Он прикинул и решил, что одолел уже три четверти пути, и если солнце задержится на небе, а дожди подождут, он через полдня доберется до Драчинцов. <...> у его ног струился ручей. Узкий ручеек был открыт солнцу и искрился. Иссахар решил не сходя с места вымыть коней. Он, как бывало в юности, набрал хворостинок и не мешкая принялся их скрести. Поначалу кони попятнулись от прикосновения холодной воды, но быстро привыкли и выражали наслаждение легким ржанием, воскресившим в нем позабытые домашние звуки. [4, с. 90]

Он ехал шагом. Сквозь забытые усталости понял, как близки ему эти кони, с которыми он проделал многие километры. Страх, что неизбежен день, когда ему придется с ними расстаться, внезапно сдавил ему грудь. [4, с. 129]

⁵ Автор комментария Сончино — раввин, доктор Йосеф Цви (Джозеф Герман) Герц (1872–1946), главный раввин Британской империи (1913–1946). Герц опирается на комментаторскую традицию прошлого, начиная с раннего Средневековья и вплоть до Новейшего времени.

⁶ Все цитаты из романа даются в моем переводе с иврита по изданию [4].

Весь род Иссахара, те, кого он называет «отцы» (что можно перевести и как «предки» или «праотцы»), был близок к природе — к земле и всему живому:

...испокон веку они были вегетарианцами, у них на дворе не резали ни скот, ни птицу. За больными домашними животными они ухаживали, пока не отлетала их душа, а когда те умирали — хоронили их на особом участке за забором и говорили: «Жаль, что утром мы тебя не увидим». [4, с. 17]

Столь же настойчиво убеждает нас Аппельфельд в родстве Иссахара с растительным миром и его потомственным занятием земледелием:

Лишь закрыл глаза и тут же увидел: вот отец и мать вместе рыхлят огородные грядки, рыхлят — и выдергивают сорняки. Они движутся мелкими, но скорыми шагами и, закончив одну грядку, тут же принимаются за другую. Когда день близится к концу, они кладут грабли на плечо и возвращаются домой. Их походка, как у крестьян, и все же иная. [4, с. 148]

Последняя ремарка указывает на так и не решенную героем загадку: почему, чем бы ни занимались евреи, как бы они ни походили на иноверцев внешним видом, культурой и поведением, они всегда будут отличаться от нееврейского окружения. Все творчество Аппельфельд размышляет над этой загадкой и приходит к выводу о невозможности полноценного существования евреев в рассеянии, на земле других народов. Вот еще пример:

Иссахар замер на месте и следил за их движениями, словно то были не три крестьянки, а три чуда, *явленные ему, чтобы он смог открыть нечто важное и сокровенное в себе самом*. Они были невысоки, и в их позах не было очарования, однако в их существе пульсировала некая витальность, которой не хватало ему.

«Великий Боже, — сказал он себе, — ведь и я родился в этом крае, пахал поля и посадил множество деревьев. У меня есть лошади и коровы, и я умею за ними ухаживать, отчего ж я такой чужой тут?» Эта мысль промелькнула у него в голове, но не задержалась там. [4, с. 94]

Три крестьянки, русинки, — истинные дети природы и одновременно часть культурного коллектива: Иссахар наблюдает за ними, когда они посещают часовню и украшают ее цветами. Не исключено, что Аппельфельд видит в них, а не в Иссахаре, органичное воплощение раннего сионистского идеала, вроде образа крестьянина из большевистской мечты: «землю попашет, попишет стихи» у Маяковского. Однако слова, выбранные Аппельфельдом для этой сцены (я выделила их курсивом), отсылают читателя к книге «Человек и Природа» А. Д. Гордона, где сказано: «Но вот ты откроешь глаза и глянешь прямо в глаза Природе и увидишь в них свое отражение».

Итак, Иссахар живет природой, и так же жили поколения его «отцов». Однако еврейская экзистенция требует постоянных занятий святыми книгами,

тем, что мы называем Торой в широком смысле, а также молитв и соблюдения ритуалов. С помощью ретроспекций Аппельфельд показывает, как это исполнялось в роду Иссахара: пока родители работали на огороде, мальчик заучивал наизусть молитвы, чтобы потом отчитаться перед матерью; накануне *бар-мицвы* (13-летия, когда религиозные обязанности мальчика уравниваются с обязанностями взрослого еврея) Иссахару берут учителя, изучающего с ним Талмуд и наставляющего его в практике иудаизма. В отчем доме, переходившем от отца к сыну, есть особая комната для коллективных молитв, где собираются по субботам и праздникам живущие в горах, Карпатах, евреи. Эта комната со свитками Торы служит синагогой и местом религиозных собраний. Однако когда Иссахар остается один (от болезни умирает горячо любимая им жена, так и не сумевшая подарить ему детей, оканчивают земной путь родители), он не может жить по религиозному обычаю. Молитва застревает у него на устах, святыне книги кажутся чужими в своей святости. Евреи забывают путь в его дом, и свитки Торы, предназначенные для еженедельного чтения, бесполезно заперты в шкафу. Тут уместно сопоставить образ жизни Иссахара с рядом положений экзистенциальной философии А. Д. Гордона, то есть обратиться ко второму хронотопу.

Ранний сионизм — палестинофильство, распространившееся на юге Российской империи в начале 1880-х годов, — ставил во главу угла возвращение евреев к производительному сельскому труду. Для этого на землях Южной Украины, преимущественно в Херсонском крае, создавались опытные хозяйства, готовившие «еврейских земледельцев Сирии и Палестины», как их тогда называли. Одним из крупных землевладельцев была еврейская семья Гинцбургов, приобретающая в собственность землю, поскольку Гинцбурги получили от царя потомственный титул баронов. Их угодьями вокруг села Могильное (укр. Могильне) Елисаветградского уезда (ныне Кировоградской области) управлял родственник баронов Ури Гордон, а его сын Аарон Давид служил там казначеем.

Аарон Давид Гордон (1856, Трояново Подольской губ. — 1922, кибуц Дгания) вырос в деревне и был воспитан в строго религиозном духе. Со временем, особенно после переселения в Палестину в 1904 году, он стал знаковой фигурой в сионистском подвижничестве и приобрел множество последователей, видевших в нем еврейского толстовца. Учившаяся на его примере молодежь обрабатывала землю собственными руками и создавала сельские поселения на выкупленных у арабов и турок участках. «Обаяние личности Гордона, его жизнь, осуществление им самим на практике слияния возвышенных идеалов и сурового труда оказали огромное влияние на современное ему поколение созидателей страны» [3].

В отличие от большинства его материалистически мыслящих последователей, Гордон был религиозным философом и мистиком. Чуждаясь каких бы то ни было политических партий и платформ, он предлагал свою концепцию мира и человека, в том числе еврея, где за основу взято слияние человека с природой. Модель «естественного человека» Ж.-Ж. Руссо была осмысленна Гордоном по-своему, как он считал, в русле мировоззрения

иудаизма. Следовавшая его примеру молодежь не слишком вникала в специфику экзистенциально-мистического учения Гордона и, лишив его сакральной компоненты, назвала комплекс идей Гордона «религией труда».

Важнейшее философское сочинение А. Д. Гордона «Человек и Природа» было начато им в 1908 году в Яффе и публиковалось на иврите отдельными главами в журнале «Га-Поэль га-цаир»⁷. Эта книга до сих пор не переведена ни на русский, ни на английский языки, и я даю в приложении необходимые для анализа романа фрагменты из первой главы в своем переводе, выполненном специально для этой статьи.

Персонаж Аппельфельда Иссахар целиком и полностью соответствует идеалу Гордона: он «живет природой»⁸, трудится «всем своим естеством и с радостью», наслаждается этим трудом и его плодами. Более того, уже его «отцы» достигли вершины слияния с природой, о котором Гордон пишет:

И будут у тебя мгновенья, когда ты растворишься в Бесконечном. Тогда *онемуют твои уста*. Не только речь, но и песня покажется тебе осквернением Святости, и также всякая мысль. И постигнешь *тайну безмолвия, его святость*.

А в романе читаем:

Его отец был наполнен *безмолвием*, и в этом было *его служение Господу*. Он *сливался с безмолвием не только, когда пахал поле или мыл коров в коровнике, но и в кругу семьи*. Несчастья, а их было много, не запятнали его безмолвия, и когда Иссахар подрос, он смотрел на *молчаливого отца* и думал: *уровня папы мне не достичь*. Папа слышит, как с ним говорит Бог. [4, с. 40]

Но молчаливы не только отец, дед и прадед, *молчаливы* также стулья покойных членов семьи, по-прежнему, как и при их жизни, стоящие не занятыми вокруг обеденного стола. Молчание в романе амбивалентно: это и высшая форма богослужения, и признак смерти. Не случайно в той же главе автор пишет:

Внезапно он понял, что они с братом Ури Цви — последние. После их смерти погаснут заключенные в них картины и годы. Уж какие надежды возлагали на него, младшего в роду, но он, как и брат, не был прилежным учеником. Да, они *любили землю и работу*, любили молчаливо сидеть на берегу ручья, *любили безмолвие*. Это безмолвие они унаследовали от предков, но не переняли их религиозного рвения. После смерти свиток их жизни сокровится в земле, и только поля, деревья и временные пристанища порой будут о них вспоминать. [4, с. 42–43]

Роман Аппельфельда разворачивается, как уже отмечалось, то и дело уходя от времени сюжета в прошлое либо в безвременное — сны, грезы, видения. В них одним из ключевых понятий, которое наиболее полно характеризует

⁷ Вышло отдельной книгой в 1924 г. уже после смерти автора.

⁸ Здесь и далее я цитирую А. Д. Гордона по приложенному ниже тексту.

Иссахара и его «отцов», является *безмолвие* (ивр. *shtika* — то же слово, что использует Гордон). Вот еще примеры:

Мальчик Иссахар рисовал в воображении оттенки безмолвия. Безмолвие печали, безмолвие о том, с чем человек сталкивается и не может понять, безмолвие при несправедливости. Его предки никогда не спорили, не задавали вопросов, просто слушали и впитывали в себя. Иссахар, вера которого была много слабее, остро ощущал их сейчас в своей душе. В детстве предки наполняли его своим *бытием* и он был уверен, что со временем станет если не одним из них, то хоть похожим. [4, с. 54]

В других главах книги «Человек и Природа» А. Д. Гордон писал о том, что, став органической частью природы, человек (всегда — в единственном числе, индивидуум) испытывает *бытийный опыт* (ивр. *hawaaya*), который и приблизит его к Богу, к единению с мирозданием.

Но вернемся к роману и безмолвию, объединявшему поколения мужчин, «отцов» в роду Иссахара. Даже за совместным чтением Талмуда или этических сочинений еврейских средневековых авторов «отцы» Иссахара «слушали учителя, склонив головы, изредка что-то спрашивали, но никогда не спорили» [4, с. 56]. Человек, далекий от мира *бейт-мидраша*, еврейского дома учения, не обратит внимания на эту фразу, но мне она представляется крайне важной для понимания тех выводов, которые я собираюсь сделать. В традиционном еврейском процессе обучения главное заключается именно в том, чтобы спорить и задавать вопросы. На занятиях всегда шумно, учащиеся, независимо от возраста, высказывают разные, зачастую противоположные суждения о том, что только что прочли в раскрытой перед ними древней книге, и ищут подтверждения им у комментаторов прошлого. В Талмуде (трактат Шабат, 119б) сказано: «Мир существует только ради того, чтобы дети вслух молились и учили Тору в доме своего учителя». Здесь важны голоса, а не безмолвие.

Вот как сообщает Аппельфельд о постепенном отчуждении Иссахара от религиозных книг и традиции:

Чего он втайне боялся, то и случилось: издали нагрянула метель и замела равнину <...>

Много лет назад — он был тогда ребенком — внезапный вихрь налетел на них посреди открытой равнины. Они возвращались домой после удачных покупок. Вихрь был силен, срывал по пути крыши и вырывал с корнем деревья. Отец и старший сын укрепили колеса и, сидя в телеге, читали псалмы.

По прошествии времени, проведенного за чтением и молитвой, буря стихла, и над ними открылось спокойное небо. В сердце мальчика навсегда сохранилось ощущение, что отец не обернул телегу брезентом, а превратил ее в ковчег и просмолил, как в свое время Ной, чтобы выстояла перед гневным натиском бури.

Если бы он помнил псалмы, читал бы их в том же порядке, что и тогда. Но он не помнил ни одного псалма. Обрывки стихов мельтешили перед глазами, словно покинули свои псалмы. [4, с. 29–30]

Книги в шкафу тоже не радовали его. Прежде он вынимал книгу и читал. По большей части это были нравоучительные книги и хасидские истории. Нехама [жена], бывало, просила: «Почитай вслух», — и он повиновался. Но после ее смерти он не смеет прикоснуться к книге. Он ощущает свою нечистоту. Моется в корыте дважды в неделю, но мытье не смывает с него ощущения скверны. [4, с. 30]

Иссахар вырос в атмосфере безмолвия и видел в нем вершину религиозного служения. На первый взгляд он кажется подобным А. Д. Гордону, считавшему безмолвие неотъемлемым атрибутом эпифании, Божественного откровения. Биограф Гордона пишет о сильнейшем впечатлении, которое произвело на подростка Гордона стихотворение М. Ю. Лермонтова «Когда волнуется желтеющая нива» [5, с. 112–115]. Он услышал это стихотворение в устном импровизированном переводе в 1870 году, когда несколько месяцев учился в иешиве в Вильне и еще не знал русского языка. Сорок лет спустя Гордон включил его ивритский эквивалент в главу 15 («Жизнь как творчество») своего труда «Человек и Природа». Напомню, что Лермонтов писал о единении лирического героя с природой и о том, что в такие минуты:

...смирятся души моей тревога,
 ...расходятся морщины на челе,
 И счастье я могу постигнуть на земле,
 И в небесах я вижу Бога...

Подобное переживание Гордон трактовал как мистическое сближение с Творцом и полагал вершиной человеческой экзистенции.

Почему же именно Иссахару, который воплощает идеал Гордона, Аппельфельд не дал продолжения рода, сделал его неспособным общаться с единоплеменниками и жить согласно еврейской традиции? Более того, выросший в слиянии с природой, Иссахар, вопреки Гордону и Лермонтову, не способен вести разговор с Богом, тысячелетиями звучавший в словах еврейской молитвы. Как кажется, именно интуитивное бессловесное погружение в природу, к которому призывал Гордон (см. 1 абзац прилагаемого перевода), возвело непреодолимую преграду между Иссахаром и еврейской словесностью, а вместе с ней и всей национальной традицией.

Я предлагаю читать роман Аппельфельда «Могучие воды» как притчу, а значит, отсечь его смысл от созданного автором хронотопа и вывести из притчи мораль. Я считаю, что Аппельфельд исподволь внушает читателю, что Иссахар, вопреки своему внутреннему убеждению, перестал быть традиционным евреем⁹. Читатель не видит авторского произвола в том, что Иссахар не просто выясняет в Драчинцах обстоятельства гибели брата и его семьи, но убивает русского селянина, на которого указал как на убийцу один из местных жителей.

⁹ Попутно отмечу, что А. Д. Гордон, проникшись идеями мистического слияния с природой, которое, как он полагал, ведет к Откровению, стал не слишком тщательно следовать предписаниям иудаизма, хотя субботу соблюдал безукоризненно.

Иссахар совершает убийство в полном согласии с логикой его образа и под воздействием вулканической ненависти Содорова, но даже если принять, что антисемит Содоров и впрямь был погромщиком, поступок Иссахара отчуждает его от самого себя, от «отцов» и от всего еврейского народа. Читатель верит Аппельфельду, когда убийство превращает молчуна Иссахара в неумного проповедника, внушающего всем и каждому: собутыльникам в корчме, случайно встреченным крестьянам, славянам и евреям, — что ненависть к евреям — это грех, это противно духу человеколюбия и что нельзя убивать. Так исчезло безмолвие — наследный мир Иссахара и, если оставаться верным идеалу Гордона, порвалась связь Иссахара с Богом.

Совершив убийство, Иссахар то боится преследования, а то напрочь забывает об опасности. То его мучают страшные видения о разорении оставленного без присмотра дома и поругании Торы и книг, а то он, словно забыв обо всем, задерживается на стоянках или кружит по лесу и равнине, как бы оттягивая возвращение домой. Если Гордон обвинял культуру декаданса в том, что она не признает морали и ведет человека к самообману, то на примере Иссахара мы убеждаемся, что аморальный поступок и самообман возможны и в случае «естественного человека», питомца природы:

Продвигаясь вперед, предоставленный самому себе, он заметил: на горном кряже показался отряд верховых жандармов. Поначалу их езда показалась ему бесцельной, но очень быстро он обнаружил, что они то и дело останавливаются и внимательно осматривают местность. Их отделяли от него пять — шесть километров, но высота давала им преимущество: они легко могли разъехаться и атаковать его со всех сторон.

Солнце уже склонялось к горизонту, но *свет не ослаб*. Он остановился у подножия холма, у водного ручья, утолившего его жажду и пробудившего в нем ощущение того, что поля вот-вот напитаются влагой и *начнется посадка овощей*. <...>

В тот час Иссахар был похож на человека, некоторые части тела которого затвердели, тогда как остальное тело действовало как всегда. Он не сомневался, что они явились расправиться с ним. Приказ был: «Уничтожить еврея». Но он почему-то не принял меры. Жандармы показались ему неопасными. [4, с. 181, 182]

Вытесняя самую мысль об опасности, Иссахар, этот «естественный человек», отвечающий идеалу Гордона, в плену самообмана думает о состоянии земли и посадке огорода, что обрекает его на гибель. Кроме того, вспоминается созданный Гордоном образ:

И вернешься [к природе и к самому себе], и увидишь: вот, опадают с тебя, с твоих рук и ног, со всего твоего тела и с твоей души жесткие тяжелые осколки, и ты распрямляешься и делаешься стройным, высоким. Ты поймешь, что это куски скорлупы, внутри которой ты съезился в помрачении ума, как черепаха в панцире.

Легко видеть, что Аппельфельд описывает обратный процесс: вынужденный жить среди людей и сталкиваться с последствиями их поступков, «естественный человек» Иссахар вновь покрывается коростой.

И, наконец, самообман героя в последней главе романа, когда Иссахар почти вернулся домой:

Крестьяне стояли на порогах своих домов и провожали его взглядами. Утренний свет был силен, и над полями поднимался густой пар, однако видимость была отменная. На кряже, что напротив, больше не было жандармов. Кряж был залит светом, и редкие деревья выделялись своей безлиственной наготой.

«Жандармы, надо полагать, спят», — сказал он, и на миг был уверен, что их послали не за ним, а просто патрулировать местность. Патрульный объезд в начале весны обычно длится неделю. [4, с. 203]

Даже зайдя во двор своего дома, Иссахар в первое мгновение не подумал, что его жилище полностью разграблено. У писателя именно обилие света в опустошенном грабителями доме свидетельствовало о крахе, тогда как Гордон полагал свет знаком высшей гармонии между человеком, миром и Творцом:

Перед нами огромный мир, простирающееся вширь и вглубь пространство, жизнь и *неисповедимый и не имеющий цели свет*. Погрузись, человек, в пучину этого необъятного моря, распахни настежь сердце и душу и впусти туда поток жизни и света! Живи. Живи всеми своими атомами. Живи вечно! Живи, и ты поймешь, что есть еще место любви, вере, идеализму и творчеству!

У Аппельфельда свет выполняет ту же роль, что солнце и цветущие акации в поэме Бялика «Сказание о погроме» (1904), написанной после погрома в Кишиневе в 1903 году:

...Встань, и пройди по городу резни,
И тронь своей рукой, и закрепи во взорах
Присохший на стволах и камнях и заборах
Остылый мозг и кровь комками; то — они.
<...>
И греет солнышко, и, скорбь твою дразня,
Осколки битого стекла горят алмазом —
Все сразу Бог послал, все пировали разом:
И солнце, и весна, и красная резня!¹⁰

Поэма Бялика, отталкиваясь от конкретных событий, делает выводы, выходящие за границы своего хронотопа, и тем же методом, на мой взгляд, пользуется Аппельфельд в рассматриваемом романе.

¹⁰ Пер. с иврита В. Е. Жаботинского.

Последние слова Иссахара были обращены все к тем же коням, которые вывели его из оцепенения в начале романа. Он сказал им: «В доме ничего не осталось. Свиток Торы поруган».

Кони вскинули головы и снова опустили.

В тот момент послышалась команда: «Отряд, по цели, дружно — пли!» Град пуль вырвался из ружей, и жизнь Иссахара оборвалась. [4, с. 207]

Сопоставляя текст романа с текстом философа А. Д. Гордона, нельзя не заметить словесных и идейных пересечений. Они будто отражаются один в другом, хотя их разделяет столетие, и они толкуют о разных странах. Можно задаться вопросом: почему зрелый писатель Аппельфельд, неизменно пытавшийся осмыслить в художественной прозе проблемы особого существования еврейского народа, вдруг создал образ одной нетипичной еврейской семьи, да еще и пресек ее длившееся не один век бытие?

Я убеждена, что выбор писателя был продиктован его взглядом на судьбу еврейского народа. Воспитанный в универсально культурной семье, Аппельфельд уже в Израиле осознал неопровержимую необходимость сохранения религиозной традиции и еврейского образа жизни. Это можно было наблюдать на его поведении и в его высказываниях: он называл себя «религиозным анархистом», понимая под этим собственное непостоянство в исполнении заповедей.

Сравнивая роман с учением Гордона, я предлагаю увидеть в романе-притче критику гордоновской ревизии еврейского *modus vivendi*. Если Гордон толкует о еврее-индивидууме, то роман показывает нам: это нехарактерное для евреев оторванное от общины бытие обречено. Евреи всегда жили и в XXI веке тоже должны жить коллективно — в одной стране, в одной культуре, поскольку правда заключена в утверждении Талмуда (трактат Санхедрин, 27б): «Евреи отвечают один за другого». В этом мне видится сионизм писателя Аарона Аппельфельда в эпоху так называемого постсионизма, разрабатываемого в израильской прозе многими авторами, в первую очередь Меиром Шалевом.

Мне кажется правомочным заключить, что автор романа «Могучие воды» хочет вернуть читателей-израильтян к той форме бытия, которая сложилась у евреев в изгнании: евреи веками были и остаются народом интеллектуального труда либо торговцами, т. е. являются сугубо городскими жителями, и желание превратить их в оторванных от книг и от Книги селян нежизнеспособно. Содержательное безмолвие, не наполненное усвоенным от «отцов» Учением, постепенно лишается содержания. Необходима многоголосица школьного урока и взрослых учащихся в иешиве, нужны вопросы студентов и книжные и лабораторные познания. Ведь специфика еврейской культуры в том, что затверживая премудрость прошлых поколений, еврей поверяет ее своим разумом и опытом, передавая в вербальной форме своим потомкам. Именно с помощью звучащего слова, пересказа от отца к сыну, как учил нас Моисей (Исход, 13:8): «и расскажешь сыну своему», евреи создали и продолжают создавать в культуре всеобъемлющий образ Творца, мира и человека.

Роман «Могучие воды» трагичен и захватывает сам по себе. Но он обретает дополнительную глубину в проекции на учение А. Д. Гордона. На это намеком указывает и название романа: словосочетание «могучие воды» заимствовано из Торы, из песни, которую Моисей воспел в благодарность Богу после чудесного перехода евреев через Красное море. Оно встречается в Библии единственный раз (Исход, 15:10) и используется при описании гибели фараона и его конницы, преследовавших покинувших Египет евреев: «Ты повеял Своим ветром, их покрыло море, они погрузились, как свинец, в могучие воды»¹¹. Но у Аппельфельда слова «могучие воды» служат метафорой обреченности еврейской жизни вне еврейской среды и текстовой традиции, пусть и на лоне благодатной природы.

СПИСОК ВИКОРИСТАНИХ ДЖЕРЕЛ

1. Бялик Х. Н. В поле (1894). / Хаим Нахман Бялик ; пер. с иврита В. Е. Жаботинского.
2. Бялик Х. Н. За оградой / Хаим Нахман Бялик ; пер. Д. Выгодского [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=245348&p>.
3. Краткая еврейская энциклопедия в 11 т. — Иерусалим, 1976. — Т. 2. — Кол. 173.
4. Appelfeld A. Mighty Waters / Aharon Appelfeld. – Israel : Kinneret Zmora-Beitan Dvir Publishing House, 2011.
5. Ron-Feder-Amit G. A. D. Gordon: A Life Narrative / Galila Ron-Feder-Amit. – Israel : Modan Publishing House, 2017.

Стаття надійшла до редакції 19.06.2018

ВІДОБРАЖЕННЯ ЄВРЕЙСЬКИХ ХРОНОТОПІВ: РОМАН А. АППЕЛЬФЕЛЬДА «МОГУТНІ ВОДИ» І РОБОТА А. Д. ГОРДОНА «ЛЮДИНА І ПРИРОДА»

Зоя Копельман

У статті порівнюються твори різних жанрів і часів — роман і філософський трактат. У «Людина і Природа» популярний ідеолог сіоністського руху Аарон Давид Гордон (1863–1922) виклав свою містичну концепцію «природної людини», щоб надихнути сіоністських колоністів Палестини присвятити життя сільській праці, аби інтуїтивно і безмовно злитися з природою і з Богом. Роман «Могутні води» опублікував відомий ізраїльський письменник Аарон Аппельфельд (1932–2018) у 2011 році, через три десятиліття після того, як література Ізраїлю звернулася до постсіонізму. У статті доводиться, що герой роману, єврейський селянин, який живе в передгір'ях Карпат, утілює ідеал Гордона. Запропоновано читати роман як притчу, що стверджує цінність єврейського традиційного способу життя і значення сіонізму в ХХІ столітті.

Між обома творами спостерігаються перетини на рівні сенсів і слів. Якщо Гордон веде мову про єврея-індивідуаліста, то роман показує нам: це нехарактерне для євреїв відірване від спільноти буття приречене. Дослідниця в статті підсумовує, що автор роману «Могутні води» хоче повернути читачів-ізраїльтян до того способу буття, який склався в євреїв у вигнанні: євреї століттями були та й лишаються народом інтелектуальної праці або торговцями, тобто є суто міськими мешканцями, і бажання перетворити їх на відірваних від книг і від Книги селян нежиттєздатне.

¹¹ Ср. у Гордона: «Погрузись, человек, в пучину этого необъятного моря, распахни настезь сердце и душу и впусти туда поток жизни и света! Живи». Здесь погружение в пучину жизнетворно, тогда как в устах Моисея и в романе Аппельфельда оно гибельно.

У додатку до статті подається зроблений авторкою переклад першої глави праці Аарона Давида Гордона «Людина і Природа». Таким чином, національний хронотоп є важливим літературознавчим інструментом, здатним пов'язувати різномісний й різночасові тексти на шляху вибудовування єдиного цілісного ідеалу.

Ключові слова: А. Д. Гордон; А. Аппельфельд; сіонізм; містика і «природна людина»; юдаїзм; література Ізраїлю; єврейський спосіб життя.

REFLECTION OF JEWISH CHRONOTOPS: THE NOVEL BY A. APPELFELD MIGHTY WATERS VERSUS THE WORK THE MAN AND THE NATURE BY A.D. GORDON

Zoya Kopelman

The paper "Reflection of Jewish Chronotops: the Novel by A. Appelfeld "Mighty Waters" versus the work "The Man and the Nature" by A.D. Gordon" compares between the novel and the philosophic work. In "The Man and the Nature", the popular ideological leader of Zionist movement Aharon David Gordon (1863–1922) developed his mystical concept of "natural man" and tried to inspire the Zionist pioneers in the Land of Israel to devote their lives and work to farming as a way to connect with nature and to communicate with God through intuition and silence. The novel "Mighty Waters" was published in 2011 by the well-known Israeli writer Aharon Appelfeld (1932–2018) three decades after Israeli literature switched to postzionism. This article argues that the main character of the novel, a Jewish farmer who lives near the Carpathian Mountains, is a personification of Gordon's ideal and views Appelfeld's novel as a parable that proclaims the traditional Jewish modus vivendi and the importance of Zionism in the 21st century.

Both texts are common in ideas and word definitions. Gordon tells about the Jewish loner while the novel shows to readers that such untypical for Jewish mentality existence beyond society is doomed. The researcher proves, that the author of the "Mighty Water" wants the Jews to be turned back to modus vivendi that have been developed during the Jewish exile. The Jews for hundred years have been the nation of intellectuals and merchants and still remain them, that have shaped their life style of citizens. So the idea to recalibrate it in separated from the Book and book culture peasant leaving is stillborn.

The paper is supplied by the author's translation of the first paragraph A. Gordon's work "The Man and the Nature". Thus, the national chronotop is an important instrument of literary studies, that is able to connect texts of different types and times in order to build a single holistic ideal.

Keywords: A. D. Gordon; A. Appelfeld; Zionism; mysticism and "physical person"; Judaism; Israeli literature; Jewish lifestyle.

Приложение

**Аарон Давид Гордон
«Человек и Природа»**

Глава 1. Познание и бессознательное

...Именно дикарь, именно естественный человек обладает здоровым, острым, живым и полноценным восприятием мира, и нередко он постигает органами чувств то, что ученый познает с помощью всего своего научного арсенала и лабораторных приборов. Причина этого определяется не только через отрицание, мол, естественный человек не испытывает развращающего влияния просвещенного общества, <...> но в первую очередь через утверждение: естественный человек непрерывно питается природой.

Если заглянуть внутрь эмоциональной жизни человека, там царит еще большая сушь, еще очевиднее пересыхание жизненных токов, которые природа изливает в человеческую душу. Любовь к ближнему, любовь к семье, дружба, милосердие оскудевают по мере того, как на человека действует «прогресс», особенно если человек проживает в крупном городе (большие города являются средоточием просвещения и порока, они всегда живут за счет сёл и

сельских пригородов, наполняя свое чрево за счет их разрушения). Даже если ты сталкиваешься с проявлением вышеозначенных эмоций, ты убеждаешься, что по большей части они идут не от сердца, а продиктованы рассудком. Вообще, все эмоции, хорошие ли, плохие ли, такие как ненависть и зависть, мельчают и все более и более деградируют. И любовь к природе, как явствует из известных книг, не всегда естественна и здорова. Даже самое простое чувство, не требующее особой духовности, — любовь между мужчиной и женщиной — мельчает, а любовь естественную, не замутненную внешними соображениями и болезненными движениями души, любовь, не опаленную «чуждым огнем»¹², любовь глубокую, ту, о которой некогда говорили «сильна, как смерть»¹³, сегодня встретишь крайне редко. Большинство людей довольствуются «любовью» того рода, о которой пишет М. Й. Бердичевский¹⁴. Место любви все чаще занимает грубая похоть.

Но особенно заметно засорение труб¹⁵, по которым природа изливает Божественную эманацию для питания людских идеалов и творчества. Ты немедленно убеждаешься в этом, обозревая жизнь и книги. Людей нашего времени более всего занимает психологический анализ. Все препарировано несчастную человеческую душу, копаются и ковыряются в ней, и чем более велик исследователь, тем глубже он проникает и тем мельче частицы, на которые он разъял испытываемую душу. Но это копание в душе человека приводит лишь к извращению присущих ей элементов Высшей субстанции и творческого начала. И вот уже не стало любви, свободной от привходящих соображений, нет веры, нет идеалов, нет справедливости и нет истины. Зато есть ненасытное «я»! Есть желудок, есть вождление и извращения, а также самообман. Прекраснодушные индивидуумы по-прежнему ценят, боготворят и возвеличивают прекрасное. Но легко видеть, что их божеству красоты не гарантировано бессмертие. Творчество тоже перестало быть «бог вдохновенным», и некоторые предрекают, что оно превратится в интеллектуальную игру замысловатых сочетаний рациональных звеньев.

<...>

Когда в нашей душе станет достаточно сил, когда Вечная Жизнетворность будет беспрепятственно и непрерывно литься в нашу душу, тогда мы перестанем тщетно искать смысла жизни в осознанном, поскольку духовное изобилие выйдет из берегов сознания и затопит душу непостижимым и не нуждающимся в познании светом.

Перед нами огромный мир, простирающееся вширь и вглубь пространство, жизнь и неисповедимый и не имеющий цели свет. Погрузись, человек, в пучину этого необъятного моря, распахни настезь сердце и душу и впусти туда поток жизни и света! Живи. Живи всеми своими атомами. Живи вечно! Живи, и ты поймешь, что есть еще место любви, вере, идеализму и творчеству! И — как знать? — возможно, есть миры, о которых ты даже понятия не имеешь!..

Неопровержимый императив человеческого естества, человеческого духа заключается, следовательно, не в том, что внушает нам современный культурный мир: «Познай природу!» Он в том, чего не услышишь ныне в мире культуры, но что воркует, как пленная голубка души: «Живи природой!»

Однако как живут природой?

<...>

В тот день, сын человеческий¹⁶, ты откроешь глаза и глянешь прямо в глаза Природе и увидишь в них свое отражение. Ты поймешь, что вернулся к себе, что, расставшись с

¹² Понятие еврейской традиции, основанное на эпизоде загадочной гибели двух сыновей первосвященника Аарона (см. Левит, 10:1: «И взяли сыны Аароновы, Надав и Авиу, каждый свой совок, и положили в них огня, и возложили на него курений, и принесли пред Господом чуждый огонь, какого Он не велел им»).

¹³ Песнь Песней, 8:6.

¹⁴ Миха Йосеф Бердичевский (1865, Меджибож — 1921, Берлин), ивритский прозаик, резко порвавший с религиозной традицией и пытавшийся понять психологию современного ему еврея и его неспособность слиться с нееврейским окружением. См. мою лекцию на сайте: <http://www.zoya-kopelman.rjews.com/sifrut/lection2.html>.

¹⁵ А. Д. Гордон пользуется тут каббалистическим термином *цинорот*, которым обозначают каналы Божественной эманации, изливающейся в сотворенный мир, а также каналы внутренне присущего Богу «тока» Его «качеств» (см. схему 10 *сфирот*).

¹⁶ Начиная с этой фразы, Гордон прибегает к пророческой риторике, заимствованной у Ветхозаветных пророков, особенно Иезекииля, и из книги Ф. Ницше «Так говорил Заратустра», которой неизменно восхищался.

природой, ты расстался с самим собой. И вернешься, и увидишь: вот, опадают с тебя, с твоих рук и ног, со всего твоего тела и с твоей души жесткие тяжелые осколки, и ты распрямляешься и делаешься стройным, высоким. Ты поймешь, что это куски скорлупы, внутри которой ты съежился в помрачении ума, как черепаха в панцире, но в последнее время ты вырос из этой скорлупы. В тот день ты поймешь, что все было тебе не по мерке и что тебе все предстоит обновить: пищу и питье, жилище и одежду, характер твоего труда и способ обучения — всё-всё... В тот день ты почувствуешь, как стискивают тебя стены твоего городского или сельского дома, как гнетут они твою душу, ты ощутишь любую тончайшую перегородку, отделяющую твою душу от мирового пространства, от мирового струения жизни. И будет: когда ты выстроишь себе дом, да так, что главным будет для тебя не количество комнат, а отсутствие в нем всего, что отчуждает от мирового простора и мировой жизни, чтобы, сидя в доме своем, ложась и вставая¹⁷, во всякое время ты бы целиком пребывал в том просторе, в струении той жизни. И точно так же построй здания, где будешь работать, и здания, где будешь изучать Тору и мудрость. И пусть между зданиями остается свободное пространство, достаточно большое, чтобы один дом не заслонял другому его долю в этом мире¹⁸.

<...>

И получишь Тору из уст Природы, науку созидать и творить, и научишься созидать и творить в любой сфере и всю свою жизнь будешь напарником Природы в Сотворении бытия.

И в тот день, сын человеческий, будет дан тебе новый дух, и ты ощутишь неведомое дотоле чувство голода — не жажду хлеба и денег, но жажду труда. Ты обретешь наслаждение во всяком труде, за который возьмешься, во всяком деле, которое сделаешь, и это наслаждение будет подобно тому, что ты получал раньше от еды и питья. <...> Ты научишься трудиться ежедневно и вдоволь. Но главное — это труд внутри Природы, внутри всемирного труда, в едином мировом пространстве и всемирной жизни. Такой станет твоя работа в поле и дома, ибо так будет устроен твой дом.

И будет: когда станешь работать, все пространство вселенной покажется тебе одной огромной мастерской, а ты и Природа — трудящимися в ней работниками. Единое сердце у вас обоих и единый дух. В тот день ты скажешь: прекрасна ликом Природа, но стократно прекраснее она своим животворящим духом, своим трудом. И когда ты на мгновение прервешься, чтобы распрямиться и глубоко вздохнуть, ты вдохнешь не один только воздух, но нечто еще — нечто сокровенное, не постижимое рассудком, но оплодотворяющее твои чувства и мысли, нечто, что дает жизнь и свет твоему духу. И будут у тебя мгновенья, когда ты растворишься в Бесконечном. Тогда онемеют твои уста. Не только речь, но и песня покажется тебе осквернением Святости, и также всякая мысль. И постигнешь тайну безмолвия, его святость. И ощутишь нечто, что способен выразить один лишь труд. И станешь трудиться всем своим естеством и с радостью. И услышишь, как Глас Божий речёт из твоего труда: «Трудитесь, сыны человеческие, трудитесь все!» И в тот миг ты поймешь, что в работе есть нечто столь великое и духовное, что ты можешь понять его лишь отчасти, но целиком его смогут понять лишь все люди вместе, глядя каждый под своим углом зрения. И Природа ответит Божьему Гласу: «Аминь! Трудитесь, сыны человеческие, и пусть не кажется вам ваша работа незначительной — я дам вам задание, и вы восполните то, чего мне недостает, чтобы я восполнила то, чего недостает вам».

Перевела с иврита Зоя Копельман

¹⁷ Здесь Гордон заимствует слова из «Шма», краеугольной формулы иудаизма: «Слушай, Израиль: Господь — Бог наш, Господь один! <...> Люби Господа, Бога твоего, всем сердцем своим, и всей душой своей, и всем существом своим, и будут эти слова, которые я [Моисей] заповедал тебе сегодня, в сердце твоём, и повторяй их детям твоим, и произноси их, сидя в доме своем, находясь в дороге, ложась и вставая...»

¹⁸ Еврейская религиозная традиция подробно обсуждает право еврея на загробную жизнь и на жизнь после прихода Машиаха (Мессии), которое называется «долей в будущем мире». Гордон переносит это мистическое понятие на мир природы.